

ШКОЛА

И ВОСПИТАНИЕ

АРИСТОКРАТИЗМ КАК КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Евгений Ямбург,
директор
Московского центра
образования № 109,
член-корреспондент
РАО

Вокруг проблемы качества образования ломают сегодня много копий, каждый ищет её решение по-своему. При явной несогласованности мнений о путях достижения поставленной цели борьба за качество образования выдвигается как ведущая задача в деятельности образовательных учреждений. Тем важнее разобраться в том, что вкладываем мы в это понятие, каких результатов ожидаем от своих усилий. Если отвлечься от частных случаев, то по большей части **качество образования мы сводим сегодня исключительно к качеству обучения.** Именно обученность ребёнка, вне зависимости от того, какой подход (знаниевый или компетентностный) признаётся оптимальным, провозглашается главным и единственным критерием качества образования. На неё, и только на неё работают все виды контроля: стартовый, рубежный и итоговый, включая ЕГЭ. А как же иначе? Школа испокон века была и остаётся обучающим учреждением, именно в обучении — сфера её зримой ответственности перед людьми, обществом и государством. Вполне понятный, естественный и обоснованный прагматизм: ведь от уровня подготовки человека зависит, в конечном счёте, как его собственное будущее благополучие, так и качество жизни общества в целом. **Современная информационная эпоха ещё больше обостряет задачу воспитания человека умелого и мобильного, способного успевать за стремительным развитием цивилизации.**

Всё так. Но такое традиционное для школы узкопрагматичное понимание качества образования становится всё более сомнительным. Умелый и мобильный мерзавец во много раз опасней не столь хорошо подготовленного негодяя, а с «цивилизованными» и образованными хамами мы, к сожалению, в последнее время всё чаще встречаемся на любом уровне общения. Ещё хуже, когда блестящее образование получает узколобый фанатик и доктринёр, воспылав желанием применить полученные им знания для воплощения в жизнь кажущейся ему совершенной идеи. Не зря английский историк Тэн утверждал: нет ничего страшнее большой мысли в малой голове. Бывший лидер Кампучии Пол Пот, отправивший в семидесятые годы прошлого века на тот свет более восьми миллионов своих сограждан — выпускник Сорбонны! Стоит задуматься.

Очевидно, что помимо неоспоримой цели воспитания человека умелого и мобильного существует и другая, не менее важная задача: воспитание человека духовного. В противном случае риск оказаться заложниками чрезвычайно умелых

циников, искусно манипулирующих нами, многократно возрастает. Проблема в том, что, в отличие от усвоения знаний и приобретения необходимых компетенций, процесс достижения этой сложной цели-задания на всю жизнь трудно отслеживать и оценивать. Духовность — сфера тончайшая, незримая, недоступная для учёта в баллах и процентах. Именно это обстоятельство существенно охлаждает интерес к ней чиновников от образования, поскольку этой областью, по счастью, невозможно управлять непосредственно. Общие размытые призывы крепить нравственность и неловкие манипуляции, связанные с периодически разворачивающимися кампаниями, не в счёт. Таково реальное положение дел. И — слава Богу! Многим ещё слишком памятно, на каком крутом идеологическом замесе выстраивался фундамент управляемой духовности предшествующей эпохи. В этом смысле пока грех жаловаться на невнимание власть предержащих к важной проблеме. Так ведь и новую (в смысле — старую) беду немудрено наклепать. Но себе самим стоит попытаться ответить на один существенный вопрос. **Если мы признаём несводимость понятия качества образования только к уровню обученности человека и всерьёз принимаем как данность кризис современной цивилизации, имеющий глубокие этические корни, то есть ли критерий (и каков он), позволяющий судить об ином, более глубоком качестве образования?** Рискну и даже очень предложить такой критерий: это — **аристократизм**. Отдаю себе полный отчёт в том, что для многих педагогов он покажется неожиданным, архаичным, в наших условиях даже абсурдным, а потому искусственным и вычурным. Постараемся всё же не спешить с выводами. Слишком многие категории оценки личности подверглись за истёкшее столетие искажению и деформации, обросли мифами и отрицательными стереотипами. Среди них — аристократизм. Какими только эпитетами и разнообраз-

ными презрительно ироничными определениями не наградило его эгалитарное сознание плебса, упорно пробивавшегося «из грязи в князи». Спесивый, высокомерный, ограниченный узкословными представлениями, изначально презирающий людей иного круга, развращённый в силу веками укоренившейся привычки жить, пользуясь плодами чужого труда... Немедленно в памяти вспыхивает опереточный образ субтильного, подлого барона с моноклем в глазу или белого офицера из контрразведки (с тем же неизменным моноклем), пытающего в застенках борцов за светлое будущее. Впоследствии это чудо оптики перекочевало на физиономии глупых фашистов, которых с неизменным успехом дурачили советские разведчики в первых военных фильмах. Дался им этот монокль! Хотя что-то такое притягательное и символичное в этой детали, вероятно, было. Иначе стал бы М.А. Булгаков в середине двадцатых годов, когда в моде были совсем иные аксессуары, например, кожанка, сапоги и маузер, демонстративно вставлять его в глаз, надевать «бабочку» и облачаться в смокинг, отправляясь в Большой театр слушать «Аиду». Его знаменитая фотография запечатлела этот прямой эпатаж. А ещё к аристократизму прочно приклеился эпитет «вырождающийся». Последнее, впрочем, было сущей правдой.

Тихо и незаметно аристократизм сошёл с исторической сцены, а когда вновь вернулась мода на смокинги, то мгновенно стало заметно, как неубедительно, опять-таки опереточно выглядят их новые носители с лицами и манерами «братков». Классовая ненависть к аристократизму первых послереволюционных десятилетий вполне понятна и объяснима, впрочем, как и подобострастное, чисто внешнее, поверхностное преклонение перед ним сегодня. Растут они из одного корня. Когда-то, на заре перестройки, отвечая в Останкинской студии на прямой вопрос, почему так много людей в глубине души, мягко

говоря, недолюбливают интеллигенцию, академик Д.С. Лихачёв произнёс: «Интеллигентом нельзя притвориться». Сказанное в полной мере относится и к аристократизму, если, конечно, мы вкладываем в это понятие «не голубую кровь» и внешние, почерпнутые из отечественных и зарубежных фильмов, актрисы чужой красивой жизни. В основе ненависти-подобострастия — всего лишь зависть, вызванная глубоко запрятанным чувством собственной неполноценности, которое, в свою очередь, есть порождение общего культурного и нравственного недоразвития. Благородное происхождение — отнюдь не всегда необходимое и тем паче достаточное условие обретения подлинного аристократизма. Вспоминаю грустное признание Б.Ш. Окуджавы: «Хорошо тем, кто с младых ногтей, с детства в семье впитывал культуру. А я Пушкина начал по-настоящему читать и понимать лишь в сорок лет». Сын врага народа, выросший в арбатских подворотнях, на режимной улице, где было полно «стукачей», поскольку по ней проезжал в Кремль вождь, поэт знал, о чём говорил. Настоящий, а не поэтизированный им впоследствии Арбат, как он сам не раз замечал, был слишком далёк от идиллии, например, Царского Села — духовной отчизны пушкинского гения. Тем не менее метафора «Я дворянин с арбатского двора» содержит не только характерную для поэта печальную самоиронию, но абсолютно точное, верное самоощущение. Аристократизма Булату Шалвовичу было не занимать, что подтверждают все знавшие его при жизни люди.

Судьба подарила мне счастье общения (иногда очень краткого) с людьми, оставившими свой живой след в культуре и образовании. Наблюдать за ними, слушать их было истинным удовольствием. При всём многообразии их ярких индивидуальных особенностей, разнице в происхождении, судьбах и избранном поприще, их объединяло одно общее качество — аристократизм духа.

Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова,
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне — свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова...
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья —
Безмолвно утопать в восторгах умиленья —
Вот счастье! Вот права...

А.С. Пушкин «Из Пиндемонте», 1836 г.

Да, высокая культура аристократична, и стесняться этого не следует, ибо подлинный аристократизм духа исключает снобизм, высокомерное ощущение собственной исключительности в силу принадлежности к элите. Напротив, **простота и естественность в общении, искренность и добросердечие всегда отличают носителей высокой культуры.** Так, декабрист князь Муравьёв в ссылке спокойно вместе с женой торговал на рынке зерном, общаясь с ней по-французски, и тут же легко и естественно переходил на русский язык, обсуждая с крестьянами виды на урожай. Следующему поколению ссыльных — революционерам-народникам контакт с местным населением давался труднее, хотя они были ближе к крестьянам по происхождению. Увы, им, как ни странно, не хватало непринуждённости. Но простота и естественность — только одна из существенных черт аристократизма. Другая, не менее важная характеристика аристократизма, о которой мы стесняемся говорить по псевдодемократическим

соображениям — чувство дистанции. Немецкий теолог и философ Дитрих Бонхеффер, погибший в застенках гестапо в 1944 году, ставил **знак равенства между чувством дистанции и качеством личности человека**. Привожу одно из его последних писем: «Если у нас недостаёт мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей. Нахальство, суть которого в игнорировании всех дистанций, существующих между людьми, так же характеризует чернь, как и внутренняя неуверенность; **заигрывание с хамом, подлаживание под быдло ведёт к собственному оподлению**. (Здесь и далее выделено мной. — *Авт.*) Где уже не знают, кто кому и чем обязан, где угасло чувство качества человека и сила соблюдать дистанцию, — там хаос у порога. **Где ради материального благополучия мы миримся с наступающим хамством, там мы уже сдались, там прорвана дамба, и в том месте, где мы поставлены, потоками разливается хаос, причём вина за это ложится на нас**. В иные времена христианство свидетельствовало о равенстве людей, сегодня оно со всей страстью должно выступать за уважение к дистанции между людьми и за внимание к качеству. Подозрения в своекорыстии, основанные на кривотолках, дешёвые обвинения в антиобщественных взглядах — ко всему этому надо быть готовым. Это неизбежные придирки черни к порядку... Аристократия возникает и существует благодаря жертвенности, мужеству и ясному осознанию того, кто кому и чем обязан, благодаря очевидному требованию подобающего уважения к тому, кто этого заслуживает, а также благодаря столь же принятому уважению как вышестоящих, так и нижестоящих. **Главное — это расчистить и высвободить погребённый в глубине души опыт качества, главное — восстановить порядок на основе качества. Качество — заклятый враг омассовления**. В социальном отношении это означает отказ от погони за

положением в обществе, разрыв со всякого рода культом звёзд, непредвзятый взгляд как вверх, так и вниз (особенно при выборе узкого круга друзей), радость от частной, сокровенной жизни, но и мужественное приятие жизни общественной. **С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио к книге, от спешки — к досугу и тишине, от рассеяния — к концентрации, от сенсации — к размышлению, от идеала виртуозности — к искусству, от снобизма — к скромности, от недостатка чувства меры — к умеренности. Количественные свойства спорят друг с другом, качественные — друг друга дополняют**». (Музей человека. Антология выстаивания и преобразования — век XX. М., 2002 г. С. 42–43.)

Дитрих Бонхеффер писал эти строки в нацистской Германии, но наступление хамства в истории периодически принимает разнообразные идеологические, политические формы, в том числе и рыночно-демократические. Поэтому и спустя десятилетия призыв расчистить и высвободить погребённый в глубине души опыт качества не теряет своей актуальности. Выполнять эту задачу пристало в первую очередь в том месте, где мы поставлены, — в школе, облагораживая её среду, стиль и уклад жизни. Легко предвидеть упрёки и обвинения в педагогическом изоляционизме, стремлении создать свой особый мир, отгородившись стеной от окружающих проблем. Но даже организованная педагогическая среда — всего лишь благоприятный фон для решения неизмеримо более тонких педагогических задач. Экстенсивная педагогика, традиционно трактующая образовательное пространство преимущественно в расширительном смысле, истощает силы педагогов в неравной непрерывной борьбе за весь социум, мешает им сосредоточиться на главном направлении своей деятельности: **расширении пространства внутренней свободы человека**. И напротив, осознанное обращение

к глубине проблемы качества помогает выстраивать гармоничную завершённую архитектуру пространства внешнего. Такое понимание своих задач избавляет педагога от избыточных иллюзий и напрасных надежд: например, на быстрые количественные, охватывающие большую массу детей, результаты. Вполне закономерно, что сегодня наиболее пронизательные христианские проповедники говорят о работе с так называемым малым стадом. То же в полной мере можно отнести и к светскому воспитанию.

Дитрих Бонхеффер был прав, когда называл омассовление заклятым врагом качества. Между тем если массовая культура — зримый признак деградации человека, то массовая школа — суровая объективная реальность, от которой никуда не уйти. Как выходить из этого очевидного противоречия? Казалось бы, обязательное всеобщее образование служит неодолимым препятствием решения проблемы его качества. Это противоречие отчасти может быть смягчено при большей автономии образовательных учреждений. Только тогда в рамках одной школы становится возможным совмещать разные педагогические стратегии. Идея вариативного образования опирается на реалистическое осознание невозможности, неэффективности учить и воспитывать всех детей одинаково.

Аристократическая позиция в педагогике чужда снобизма. Помогать надо всем, но при всём том трезво осознавая, что возвратиться от спешки — к досугу и тишине, от рассеяния — к концентрации, от сенсации — к размышлению, от идеала виртуозности — к искусству, от снобизма — к скромности, от недостатка чувства меры — к умеренности **способны сегодня единицы.** Но эти единицы должны интересовать нас ничуть не меньше, чем все остальные. Так называемая социальная миссия школы здесь вообще ни при чём. Порой бывает так, что дети из социально запущенных семей, пережившие тяжёлые удары

судьбы, оказываются более восприимчивыми к подлинным человеческим ценностям, нежели их «благополучные» (точнее — блага получающие) собратья, имеющие свободный неограниченный доступ ко всем без исключения достижениям цивилизации. Сама жизнь беспощадно приучает их к умеренности. Но одних обыденных повседневных неурядиц мало, сами по себе они способны вызвать демонов зависти и ненависти, породить неуверенность и ущербность — эти скрытые пружины нахальства и хамства. Для того чтобы молодой человек пережил катарсис, очищение через страдание, нужны ещё волшебные встречи: с людьми, книгами, а если повезёт — с тем Высочайшим, что в культуре именуется Богом. Среди людей — педагоги, чьё собственное положение незавидно. Но золото — и в грязи остаётся таковым. А.А. Ахматова, когда не оказывалось иного достойного её облачения, и в халате выглядела королевой. **Аристократизм педагога, вопреки всем привходящим обстоятельствам, — залог подлинного качества жизни и образования.**

Выдвижение аристократизма как критерия качества образования имеет самое непосредственное отношение к серьёзной проблеме выращивания элиты страны, путям и способам формирования её будущих лидеров, способных адекватно ответить на вызовы и угрозы наступившего тысячелетия. Постепенно эта проблема оказывается в фокусе внимания политиков и бизнесменов, управленцев и педагогов. При этом на периферии педагогического сознания остаётся центральный вопрос: какое содержание мы вкладываем в понятие элиты? Между тем на него ещё в первой четверти прошлого века отвечал русский философ Георгий Федотов: «Дело не в грамотности и не в запасе благородных и бесполезных сведений — по истории, литературе, мифологии. Можно легко допустить, что с годами, ценой большого напряжения школьной дисциплины

в России добьются сносной орфографии и даже заставят вызубрить конспекты по греческой мифологии. И всё это останется мёртвым грузом, забивающим головы, даже отупляющим их, если не совершится чудо возрождения подлинной культуры; если, перефразируя в обратном смысле слова Базарова, мастерская не станет храмом.

Выражаясь в общепринятых ныне терминах, в России развивается и имеет обеспеченное будущее цивилизация, а не культура, и наше отношение к будущему — оптимистическое или пессимистическое — зависит от того, к какому стану мы примыкаем, к стану цивилизации или культуры. Водораздел проходит довольно чёткий — как здесь в эмиграции, так и в рядах старой интеллигенции там, в России. **Это различие можно определять по-разному, как различие качества и количества или образования гуманитарного и реалистического. Последнее определение можно формулировать точнее, культура построена на примате философско-эстетических, а цивилизация — научно-технических элементов.** (Примечательно, что о проблеме качества в один голос говорят русский философ, переживший сталинизм, и его немецкий коллега из застенков гестапо. — *Авт.*)

<...> Проблема культуры, в отличие от цивилизации, имеет два аспекта, допускающих оба сознательное воспитательное и общественное усилие. Культура отличается от цивилизации, во-первых, иной направленностью интересов; во-вторых, приматом качества над количеством. В настоящий исторический день обе проблемы сводятся к одной: как воссоздать в России тот разрушенный революцией культурный слой, который был бы способен поднять качество культурной работы и передвинуть центр интересов с вопросов техники к вопросам духа. Создание духовной элиты, или духовной аристократии, есть задача прямо проти-

воположная той, которую ставила перед собой русская интеллигенция.

<...> в сфере духовной культуры меньше места планомерному вмешательству, больше свободе, иррациональным силам духа. Но основная проблема воспитания и здесь та же самая: создание элиты, культурного неравенства. Потрясённые фактом общественного неравенства — действительно безнравственного и уничтожающего возможность подлинного национального общения, — **мы проглядели ценность и вечность духовной иерархии.** Должно быть расстояние между учителем и учеником, между писателем и читателем, между мыслителем и популяризатором. Иначе нечему будет учить. Напряжённость восходящего движения к культуре пропорциональна расстоянию её полюсов — если только связь между ними не утрачена: так сила тока пропорциональна разнице потенциалов. Конечно, расстояние между полюсами должно быть заполнено посредствующими деятелями; строение культурного мира ступенчато, иерархично. Академик не должен, да и не может, не умеет преподавать в народной школе. Вот то, чего у нас не одни большевики, но почти никто не понимает». (Цит. по книге «Неуслышанные голоса». Антология выстаивания и преобразования. М., 2003 г. С. 229—234.)

К сожалению, спустя десятилетия после сказанного философом, понимание иерархичности культуры так и не наступило. Педагогический популизм в его разнообразных формах процветает и по сей день, по необходимости лишь меняя одежды. «Ребёнок всегда прав», «он, как и родительская общественность, равноправный субъект педагогического процесса» — подобные благоглупости, не задумываясь, повторяем последние десятилетия, умилаясь собственному педоцентризму, шаг за шагом снижая планку подлинного образования, осуществляя стремительное нисхождение с высот культуры и тем самым способствуя всеобщему обыдлению. **НО**